

Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований

© кандидат филологических наук В.В. Красных, 1997

В последнее время пристальное внимание ученых к феномену языковой личности сопровождается и повышенным интересом исследователей к феноменам, которые определяются в научной литературе как прецедентные. Однако сам термин “прецедентный” феномен еще не может быть отнесен к числу однозначно устоявшихся. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть соотношение прецедентных феноменов в рамках концепции научного семинара “Текст и коммуникация” (см., например, [1, 2, 4]), с одной стороны, и феноменов, понимаемых как прецедентные, в трудах других исследователей. Не имея возможности в рамках одной статьи подробно останавливаться на существующих в современной научной литературе терминах и понятиях, сконцентрируем свое внимание лишь на одном из аспектов указанной проблемы.

Итак, в трудах ученых (Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрун, И.М. Михалева, Н.Д. Бурвикова и др.) встречаются понятия “прецедентный текст”, “прецедентное высказывание”, “текстовая реминисценция”, “прецедентная текстовая реминисценция”. На наш взгляд, за данными терминами скрываются понятия близкие, зачастую одной природы (хотя и не всегда), но, безусловно, разнопорядковые. Это объясняется, думается, тем, что ключевым словом (и понятием) в данном случае является слово “прецедентный”, которое исследователи понимают и трактуют приблизительно одинаково. Разница касается в первую очередь самих анализируемых феноменов и “степени” (в других терминах — “глубины”) прецедентности.

Так, Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [3: 216]. Соответственно, прецедентными текстами для ученого являются цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы. При этом произведения эти могут быть как вербальной, так и невербальной природы. Например, храм Василия Блаженного

тоже может быть определен как текст; отметим, что подобное понимание “текста” встречается и в трудах других ученых: так, Ю.М. Лотман пишет: “Культура в целом может рассматриваться как *текст*. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в тексте”. Поскольку само слово “текст” включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию “текст” его исходное значение. Таким образом, само понятие текста подвергается некоторому уточнению. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве дополняется ссылкой на вторжение разнообразных “случайных” элементов из других текстов” [5: 121-122] (выделено нами — *В.К.*). В данном случае для нас крайне важным оказывается рассуждение ученого о “тексте в тексте”, но вместе с тем мы не можем не обратить внимание и на основополагающий тезис о культуре-тексте. При таком подходе термин “текст” понимается очень широко и, в рамках нашей концепции, теряет свою “терминологичность” (при этом мы не можем не согласиться с тем, что в ряде случаев расширительное толкование какого-либо термина, в том числе и термина “текст”, бывает вполне допустимым и — более того — оправданным, поскольку может не только не нарушать общей стройности и целостности теории, но и способствовать созданию таковой, что и наблюдается, например, в трудах Ю.М. Лотмана). В нашем исследовании “текст” понимается в гораздо более узком смысле.

Несколько иначе трактуют понятие “прецедентного текста” Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева: для данных авторов “ПТ — это номены... но следующего характера: это некоторые вербальные микро- и макроединицы (в нашем случае) плана/сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими “заимствованными” и оригинальными признаками для создания “эстетической видимости”/типологического образа”, “это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной “обработки” актуальных для нас вопросов и проблем” [7: 104; 113]. При этом в роли прецедентных текстов выступают также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений [7: 104]. Нам, безусловно, близко понимание текста как вербального феномена, во-первых, а во-вторых — трудно не согласиться с положением о том, что прецедентные тексты репрезентируют фрагменты “прецедентного поля” [7: 103], соотносимого некоторым образом (не прямо — *sic!*),

как нам представляется, с нашими понятиями “когнитивное пространство/когнитивная база”. Однако, как нам думается, прецедентные тексты едва ли могут быть сведены только к текстам художественным и, следовательно, только к проблеме “художественной “обработки” актуальных вопросов и проблем”. Кроме того, предлагаемая авторами система цитат-прецедентов строится на особых основаниях, отличных от тех критериев разбиения прецедентных феноменов, которые предлагаем мы.

Ю.Е. Прохоров, говоря о прецедентных текстах, предлагает ряд уточнений данного понятия: “1) прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения: именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности; 2) если сам текст входит в прагматикон личности, совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингво-когнитивным уровнем, т.е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре [...]; 3) отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингво-когнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке” [6: 155-156]. Мы однозначно согласны с Ю.Е. Прохоровым, что, рассматривая прецедентные тексты, мы вольно или невольно выходим на лингво-когнитивный уровень, что сами ПТ, безусловно, принадлежат языковой культуре (в рамках нашей концепции, точнее было бы сказать, что инвариант восприятия ПТ входит в когнитивную базу, а сам ПТ, по видимому, принадлежит национальному культурному пространству), что апеллирование в речи к феноменам такого рода помогает ориентироваться в ситуации общения, проводя идентификацию по шкале “свой/чужой”. Вместе с тем, нам кажутся оправданными и некоторые уточнения и оговорки. Во-первых, сам прецедентный текст, с нашей точки зрения, не может быть использован в речи¹, поскольку “хранится” в когнитивной базе (и следовательно, в “голове” конкретного члена

¹ Хотя можно предположить, что Ю. Е. Прохоров следует тезису А. Е. Супруна, специально отметившего, что “применение слова *использование* к прецедентным текстам относится скорее всего лишь к сознательному введению воспоминания о таком тексте в новый производимый в данный момент текст” [8: 26-27], однако, на наш взгляд, это может привести к некоторому непониманию и путанице.

конкретного национально-лингво-культурного сообщества) в виде инварианта восприятия, т.е. является феноменом скорее когнитивного, нежели собственно лингвистического характера; соответственно, в речи могут употребляться феномены иного плана: прецедентные имена и прецедентные высказывания, — которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов. Во-вторых, и это следует из только что сказанного, так как в когнитивной базе хранится инвариант восприятия прецедентного текста, но не сам прецедентный текст (трудно представить себе человека, помнящего от первого до последнего слова, к примеру, роман “Война и мир”, несомненно, являющийся прецедентным), то, очевидно, апелляция к прецедентному тексту предполагает у собеседника аналогичное наличие не самого текста (поскольку такого — наличия, имеется в виду, — нет), а опять-таки инварианта восприятия.

И наконец, следует остановиться на понятии “текстовые реминисценции” (в терминах А.Е. Супруна) и “прецедентные текстовые реминисценции” (в терминах Ю.Е. Прохорова). Под текстовыми реминисценциями (ТР) А.Е. Супрун (и вслед за ним — Ю.Е. Прохоров) понимает “осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), “крылатые слова”, отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику” [8: 17]. При этом и для А.Е. Супруна, и для Ю.Е. Прохорова текстовые реминисценции суть языковые единицы [8: 25; 6: 157], хотя они и “отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости” [8: 28].

В связи с представленным подходом возникает целый ряд вопросов: во-первых, как соотносятся текстовые реминисценции и наши прецедентные феномены (в частности, прецедентные имена и прецедентные высказывания); во-вторых, единицами чего (языка, как утверждают процитированные только что авторы?) являются рассматриваемые феномены; в-третьих, релевантна ли для рассматриваемых феноменов категория социального/индивидуального.

Но прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, приведем наше понимание прецедентных феноменов (ПФ). Итак, к числу прецедентных мы относим феномены:

- 1) *хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”);* ПФ “хорошо известен всем представителям...” постольку, поскольку последние имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия;
- 2) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;*
за ПФ всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными;
- 3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества;*
говоря о постоянной апелляции ПФ (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что “возобновляемость” обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть “потенциальной”², т.е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (иначе это будет апелляция не к прецедентному феномену).

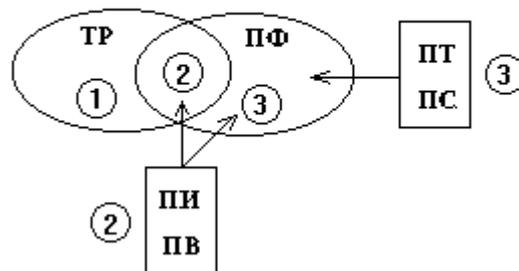
Среди вербальных прецедентных феноменов мы выделяем *собственно вербальные*: прецедентное имя и прецедентное высказывание — и *вербализуемые*, к которым мы относим прецедентный текст и прецедентную ситуацию [1,2].

Итак, как соотносятся между собой текстовые реминисценции и прецедентные феномены. Следует отметить, что к числу ТР А.Е. Супрун относит любые цитаты и ссылки на созданные ранее тексты (например, *На Ваш №...* [8: 19]), независимо от степени их известности другим членам какого-либо социума или национально-лингво-культурного сообщества. Как результат — в одном ряду оказываются феномены различной, подчас принципиально различной, с нашей точки зрения, природы: от официальных ссылок на предшествующее деловое письмо до широко и хорошо известных имен и высказываний (которые мы и называем прецедентными). Таким образом, ТР, по А.Е. Супруну, объединяют следующие феномены (мы будем использовать наши термины): 1) ссылки

² Однако постоянная (“реальная”) возобновляемость апелляции является *обязательным* признаком прецедентных высказываний.

на предшествующий текст (например, документ), не являющийся прецедентным (ни по Ю.Н. Караулову, ни по Ю.А. Сорокину, ни по нашей концепции) (*На Ваш №³...*); 2) цитаты, имена, названия, которые не могут быть признаны прецедентными⁴ (*“локальный комплекс Эммы Боварри”*; *Чувствуешь себя вроде Цинцинната из “Приглашения на казнь”*); 3) индивидуальные неологизмы (которые, именно в силу своей индивидуальности, не могут быть прецедентными); 4) цитаты, имена, названия, используемые для обозначения “денотата” (*Его любимым героем был Атос из “Трех мушкетеров”*); 5) собственно прецедентные феномены: прецедентные тексты и имена. Из сказанного выше следует, что текстовые реминисценции и прецедентные феномены, предлагаемые нами, пересекаются именно на участке прецедентных имен и прецедентных высказываний. Покажем это на схеме⁵.

Схема. Соотношение ТР и ПФ.

Например, ТР = ПИ, восходящие к ПТ: *Обломов, Печорин, Дон Жуан*; ТР = ПИ, связанные с ПС: *Сусанин, Колумб*; ТР = ПВ, восходящие к ПТ: *Каким ты был... таким ты и остался; Нас ждет холодное лето 1994*; ТР = ПВ, связанные с ПС: *Ждем-с!*

Далее, мы считаем, что текстовые реминисценции, — как минимум те, которые представлены прецедентными именами и прецедентными высказываниями, — являются единицами не языка, но дискурса. Как и все прецедентные феномены, они не могут представлять собой

³ Примеры, приводимые в этом абзаце, взяты нами из [8].

⁴ В нашем понимании прецедентного феномена, как элемента национальной когнитивной базы [1, 2, 4].

⁵ Сокращения, принятые в схеме: ТР — текстовые реминисценции; ПФ — прецедентные феномены; ПИ — прецедентные имена; ПВ — прецедентные высказывания; ПТ — прецедентные тексты; ПС — прецедентные ситуации.

“индивидуальные неологизмы” и находиться “на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании” [8: 26], ибо “индивидуальность”, “отдельность”, “единичность”, “оказиональность” оказывается противопоставленной “прецедентности” в нашем понимании (а мы идем вслед за Ю.Н. Карауловым, Ю.А. Сорокиным, Ю.Е. Прохоровым). Кстати, именно поэтому, очевидно, Ю.Е. Прохоров, разграничивая текстовые реминисценции на ТР в структуре отдельной речевой личности и ТР в структуре речевого общения, только последние (т.е. ТР в структуре речевого общения) определяет именно как *прецедентные* текстовые реминисценции [6: 157-158].

Что касается функционирования собственно текстовых реминисценций (если согласиться с их существованием) и прецедентных феноменов, то тут тоже можно найти некоторые различия: ТР, как правило, сопровождаются упоминанием источника или автора (*как говорил..., как сказано в...*; более того, такое упоминание может представлять собой краткий рассказ о ситуации или лице); прецедентные же феномены, как правило, подобными ссылками не сопровождаются, т.к., во-первых, подобные ссылки бывают либо не нужны (поскольку и так все понятно), либо не важны (поскольку важно содержание), во-вторых, источник (если таковой был) часто “забывается”, “теряется”, именно в силу своей нерелевантности, и в таком случае прецедентные феномены переходят в число автономных. Если же ссылка все-таки имеет место, то она выполняет не столько “информирующую”, сколько “эстетическую” функцию, поскольку предполагается, что реципиент знает то, что автор специально проговаривает, следовательно, создается эффект иронии. Другой возможной причиной указания на источник может быть и то, что прецедентный феномен “восходит” как бы сразу к нескольким источникам: если он стал автономным и потерял связь с настоящим источником и стал приписываться другим, или если он действительно имеет нескольких “авторов” в силу “параллельного” существования или как результат “цитаты в цитате”, как, например, произошло с известным “*Как хороши, как свежи были розы*”), например: “*Как там у Пушкина... или это не у Пушкина — блажен кто...*” (пример из “Московского комсомольца”).

Вместе с тем нашей концепции созвучна идея о том, что “определенная часть ТР объединяет широкий круг общающихся, иногда практических всех носителей социолекта или всех носителей данного языка” [8: 26] (т.е. носителей коллективного когнитивного пространства или когнитивной базы), при этом “набор прецедентных текстов различен для разных членов социума” [8: 27], если под социумом в данном случае

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 2. - 124 с. ISBN 5-7552-0104-8

понимается национально-лингво-культурное сообщество, а тексты относятся к социумно-прецедентным.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 4. С. 106-118.
- [2] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
- [3] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [4] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
- [5] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- [6] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [7] *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98-117.
- [8] *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С.17-29.